

А. М. Давтян

ПОБОРНИК ГУМАНИЗМА И ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Политические события начала 20-го столетия вызвали во всем цивилизованном мире живой интерес к армянскому народу, его историческим судьбам, национальной психологии, постепенному росту самосознания и культурному возрождению. Страдания и лишения, выпавшие на долю армянского народа, в частности трагедия избиения армян 1915 года, самого трагического эпизода за всю многовековую скорбную историю армянского народа, привлекли симпатию и сочувствие всей передовой общественности и в первую очередь русской. Репрессии турок против беззащитного армянского населения, невиданные зверства вызвали справедливое возмущение и осуждение в русском обществе. В серьезнейший для армянского народа исторический момент, когда решался вопрос о политическом бытии целого народа, передовая русская общественность выступила с моральной поддержкой населения турецкой Армении.

«Армянский народ,— писал Н. Я. Марр,— тот армянский народ, для которого современные господствующие силы затрудняются определить место на земном шаре для спокойного житья самостоятельной жизнью и не находят этого искомого места, даже не видят земли самих армян, покрытой чудесными памятниками многотысячелетней культуры. Этот живущий на ней народ, будучи соединен неразрывными узами со всем цивилизованным человечеством, в частности с народами Европы, явится для изучения их культурного происхождения и трансформации развития самым необходимым глашатаем»¹.

Начало 20-го века ознаменовалось новыми крупными успехами в деле политического и культурного сближения армянского и русского народов.

Благородная миссия Н. Я. Марра, В. Я. Брюсова, М. Горького и других по ознакомлению русской общественности с культурой, литературой и историей армянского народа сыграла огромную роль в деле приобщения русской общественности к духовной жизни армян. Большая заслуга в этом благородном начинании принадлежит, несомненно, и большому другу армянского народа, его искреннему доброжелателю Юрию Алексеевичу Веселовскому.

В данный исторический момент, как никогда, необходимы были симпатия и поддержка армянам со стороны русского народа. И потому не-

¹ Н. Я. Марр, Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным языкознания. См. сб. «Об армянской литературе», Ереван, 1941, стр. 6.

обходимо было довести до русской общественности действительные факты современной армянской жизни, раскрыть перед нею страницы многовековой истории Армении, познакомить ее с общественно-политической и культурной жизнью «маленького, но все же исторического народа» (Веселовский). И в эти мрачные годы истории армянского народа, когда

Страна борцов, подвижников, героев,
Свой скорбный крест Армения несла... (Веселовский).

Юрий Алексеевич выступил убежденным интернационалистом, горячим поборником дружбы армянского и русского народов. Со страниц многих периодических изданий Веселовский обращался с горячим словом искреннего друга к передовым слоям русской общественности, призывая подать руку помощи армянским братьям.

Наиболее широко развернулась деятельность Юрия Алексеевича на страницах «Армянского вестника», издававшегося в Москве в 1916—1917 гг. В редакционной статье, посвященной задачам журнала, отмечалось: «Армянский вестник» рожден войною и тем грандиозным несчастьем, которое война принесла армянам. Но и война, и турецкая трагедия — только ближайший повод. Журналу, такому, как наш, давно было место среди органов русской периодической печати. Начиная с последней русско-турецкой войны армянам было что рассказать о себе русскому обществу и уже лет десять можно было рассказывать не слишком злоупотребляя эзоповскими оборотами. Ведь ни русское общество, ни русское правительство не были до сих пор с надлежащей полнотой осведомлены об армянах, о их настроениях и чаяниях, в России и Турции. Вот почему задачи нашего журнала будут значительно шире, чем создавший их трагический повод. Если нашему журналу удастся просто создать армянскому народу друзей в русском обществе, его появление будет оправдано. Если же он привлечет к армянскому народу не только сочувствие, но и столь необходимую ему теперь моральную и материальную поддержку — цель журнала будет достигнута сторицей»².

С первого же дня основания журнала Веселовский становится его активным сотрудником.

Веселовский не принадлежал к числу ученых, замыкающихся в узком кругу чисто профессиональных интересов. Он живо откликался не только на явления литературной, но и общественно-политической жизни своего времени.

Однако по своему мировоззрению Веселовского трудно признать вполне определившимся. В своем письме к М. Берберяну от 3 июня 1917 г. Веселовский признавался: «...что касается меня, то я, конечно, не настоящий общественный деятель...»³.

² «Армянский вестник», № 1, 1916, М., стр. 1—2.

³ Ереванский гос. архив литературы и искусства. Архив Ю. Веселовского.

Политическая позиция Веселовского была по многим вопросам расплывчата. Ему порой не доставало вполне четкой ориентации в тех или иных общественных ситуациях.

Тем не менее, чуткость к общественно-политическим событиям своего времени является несомненным достоинством Веселовского. Как «зарю лучших дней» воспринял Веселовский Февральскую революцию. Она должна была принести с собой долгожданную свободу и обновление. И с чувством горечи Веселовский писал: «Зачем нужно было прожить большую часть жизни,— чтобы встретить восход солнца, когда эта жизнь идет уже под уклон?.. Счастливы те, чья молодость совпала с крушением старого строя! Им не придется выносить многого, что выносили предыдущие поколения. Их путь будет озарен лучами свободы. Как хорошо вступать в жизнь при свете солнца! Как печален удел тех, кто начинал свой жизненный путь в сумерки...»⁴.

Веселовский отчетливо сознавал, что чем ближе узнает русская общественность армян, тем справедливее будет его отношение к многострадающему народу.

Говоря о недалеком прошлом, Веселовский писал в статье «На заре лучших дней», что даже в дни, когда кругом царил мрак, лучшие представители русского общества ловили малейшие проблески чего-то нового и свежего. В русско-армянских товариществах шли оживленные споры, строились планы, иллюзии, мечты о будущем. То были смутные, утопичные, но благородные порывы к лучшей, свободной жизни.

Веселовский выступил страстным обличителем антигуманной политики турецкого правительства, горячим защитником страдающих, скорбных армянских детей, с ранних лет испытавших страшные лишения.

В статье «Страдающие дети» Веселовский отмечает, что многие из армянских писателей воссоздали в своих произведениях трагическую судьбу армянских детей в Турции. Образы страдальцы-матери и обреченных на страшные лишения и мучения детей проходят через творчество целого ряда армянских писателей, в частности Раффи, Р. Патканяна, Х. Абовяна, В. Папазяна. Трагические эпизоды, воссоздаваемые ими, «не сказки далекой, седой старины,— то печальный удел беззащитной страны» (Р. Патканян). Это подлинные факты армянской действительности. Они «сливаются в одну общую безотрадную картину, которая долго не забывается и оставляет гнетущее впечатление»⁵. Однако Веселовский глубоко уверен, что никакое мастерство беллетриста не может воссоздать картины более трагической и потрясающей, чем та, которую в действительности являла собою Армения под тяжким гнетом турецкого режима, и тем более в страшные дни избиений, погромов и злонамеренного выселения армян в Месопотамию. Веселовский был потрясен теми страданиями, которые выпали на долю беззащитных армянских детей, и находил необходимым составление «Книги армянского ре-

⁴ «Армянский вестник», № 14, 1917, стр. 4.

⁵ Там же, № 41—42, стр. 2.

бенка», которая явилась бы своеобразной летописью скорбных судеб армянских детей. «В такую пору, когда,— мы все хотим верить в это,— навсегда отойдут в область истории все эти кровавые, вопиющие события, она будет напоминать о том, сколько детской крови и детских слез пролито было в Армении на рубеже новой эпохи. Это будет тяжелое, терзающее душу чтение...»⁶

Необходимо отметить, что Веселовский рассматривал армянскую литературу не в узконациональном, а в международном аспекте, в общей связи с мировой литературой. Веселовский отмечал, что армянская литература не является чем-то неведомым для европейского читателя.

Более того, современные политические события побудили европейского читателя с большим вниманием отнестись к армянской литературе и к Армении вообще.

В статье «Английская повесть из армянской жизни» Веселовский отмечал, что Армения, «судьба которой за последние 20 лет так часто затрагивалась на столбцах английских периодических изданий, не могла не представить интерес для беллетристов, отдающих предпочтение мрачным и трагическим сюжетам»⁷. Отражением усилившегося интереса к Армении явилось появление ряда произведений европейских авторов из армянской жизни. Одним из таких произведений явилась повесть английской писательницы С. Блэк «Тефи». Веселовский указывает на тот факт, что «гуманность автора и его сочувственное отношение к далекому и чуждому для него, в сущности, народу составляют положительную сторону этой повести, в которой отразились армянофильские чувства, никогда не умиравшие бесследно в известных слоях»⁸.

В ряде своих статей и специальных исследований Веселовский показал, что армянофильские чувства были присущи и многим другим культурным народам, в большей или меньшей степени знакомым с историей и культурой Армении. В своей статье «Участь армян в изображении американского писателя», посвященной анализу книги Герберта Адамса Гиббонса «Самая черная страница новейшей истории: последние избиения в Армении, факты и ответственности», Веселовский вновь подчеркивал, что неслыханные злодеяния турок в отношении армян вызывают гневное осуждение у всех народов. Веселовский совершенно справедливо замечает, что «когда о страданиях армянского народа и о праве его на лучшую участь говорят лица, увлеченные идеей освобождения армян от магометанского ига, иным может, пожалуй, показаться, что в этих сетованиях и горячих выражениях сочувствия есть доля преувеличения,— что они продиктованы традиционным недоверием к турецкому режиму и его представителям. Но когда характеризует «самую черную страницу новейшей истории» человек, не только трезво и объективно относящийся вообще к турецким делам и свободный от всякого

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 2.

⁸ Там же, стр. 4.

предубеждения против турок, но, быть может, даже слишком умеренный и сдержанный в некоторых своих взглядах и приговорах, — впечатление получается еще более сильное и убедительное...»⁹.

Книга Гиббонса явилась гневным обвинительным актом против бесчеловечных действий турецкого правительства. При этом необходимо отметить, что написана она была «не с чужих слов, не под влиянием мимолетного гуманного порыва, а лишь после тщательной проверки, по личным впечатлениям или на основании точных документальных данных»¹⁰.

В 1909 году во время аданской резни Гиббонс находился в Турции и имел возможность воочию наблюдать те страшные события, которые потрясли его. Позднее Гиббонс занялся тщательным изучением обстоятельств этого возмутительного события, которое привело его к убеждению о ложности всех доводов, призванных как-то объяснить, и даже оправдать варварское поведение турок.

Гиббонс обнаруживает также глубокую и многогранную осведомленность в событиях 1915 года, на основании вполне достоверных данных описывает весь процесс подготовки и осуществления резни, постоянно подчеркивая факт «плановости» развернувшихся трагических событий. Книга Гиббонса изобилует богатым фактическим материалом, разоблачающим беспощадность и жестокость зверств, учиненных над беззащитным армянским населением. Веселовский, отмечая некоторые теневые стороны книги, подчеркивал, однако, что «она может быть прочитана не без пользы большой публикой, которой открывает глаза на многое»¹¹.

Веселовского глубоко волновал тот факт, что порой деятельность и горячее слово тех, кто пытается познакомить русское общество с подлинной Арменией, с национальными идеалами армян, их политическим положением, разбивается о недоверие и предубеждения. Впрочем, замечает критик, едва ли можно винить уже давно определившихся людей в том, что они не способны отбросить свои прежние представления, как ненужную ветошь.

А потому, по убеждению автора, с проповедью справедливого, сочувственного отношения к армянскому народу следует обратиться прежде всего к подрастающему поколению. В своей статье «Участь армян и подрастающее русское поколение» (№ 31, 1917 г.) Веселовский писал, что «многие не только относятся индифферентно к судьбе турецких армян, — они просто почти ничего не знают о ней...»¹².

А в привитии хотя бы элементарных знаний об Армении большую роль может сыграть школа. Она может многое сделать в смысле пробуждения в русской молодежи живого интереса и сочувственного отношения к армянской нации.

⁹ Там же, стр. 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 22.

¹² Там же, стр. 3.

«Нужно ли говорить о том,— заключает автор,— что будущие граждане свободной демократической России должны вообще еще на школьной скамье проникаться духом национальной и религиозной терпимости, заранее застраховывая себя от влияния чужденоненавистнических идей и племенной исключительности»¹³. Проникнутые духом подлинного гуманизма, искренней симпатии к гонимым армянским братьям, публицистические статьи Веселовского привлекали пристальное внимание широкой читающей публики, заставляли с большей чуткостью отнестись к судьбам маленького народа, а порой приводили к «переоценке ценностей», к новому взгляду на людей и события. В этом глубоко гуманистический пафос публицистики Веселовского.

Будучи хорошим знатоком армянской истории, воскрешая героические страницы прошлого и восхищаясь былой славой армянского народа, который «знал иную долю», Веселовский с тем большей горечью говорил о его трагическом настоящем. В стихотворении «Армения» Веселовский писал:

Есть древний край — о нем давно забыли,
Но вспомнить вновь судьбу его пора!
О, тяжелы его страдания были...
Он смерти ждал — но дожил до утра.

В былые дни он знал иную долю,
Свободных стран изведал он удел!
Он вел борьбу за веру, честь и волю,
В глухую ночь, как светоч, он горел.

Те дни прошли... Покорен и печален
Стал древний край, тяжелым сном объят.
Он был теперь страной немых развалин,
Угасших грез, разрушенных палат.

Где прежде жизнь свободно расцветала,
И бодрых сил исполнен был народ,
Склонив чело, все молча трепетало,
Снося врагов тяжелый грубый гнет...

Но Веселовский глубоко верил в светлое грядущее Армении:

Пусть злобен враг,— и, как в былые годы,
Твоих детей несчастных льется кровь:
Армянский край, ты долго ждал свободы,—
Твой близок день... он не померкнет вновь!¹⁴

Современная армянская действительность звучала страшным диссонансом героическому прошлому. И потому Веселовский в эти годы намеренно воскрешал славные страницы прошлого армянского народа и

¹³ Там же, стр. 4.

¹⁴ См. сб. «Русские писатели об Армении», Ереван, 1946, стр. 71.

образы его национальных героев, самоотверженных борцов за освобождение своей многострадальной родины, поклявшихся «славою отцов будить умы в отчизне угнетений и не щадить безжалостных врагов»: ¹⁵

Он родился в Армении несчастной
И, с давних пор свидетель мук и зла,
Он скробных жертв услышал вопль ужасный
И увидал, как братьев кровь текла!..

Хотя гибнет герой, но

Не страшит конец его ужасный,
Он не один... уж много есть борцов!
На их крови в Армении безгласной
Воскреснет вновь геройский дух отцов... ¹⁶

Этот лейтмотив — воскрешение героического духа отцов — пронес Веселовский через все свое творчество. Неоднократно он возвращался к образу национального героя Вардана Мамиконяна.

«Проходят десятилетия,— писал Веселовский,— все новые темы привлекают внимание армянских поэтов,— но образ Вардана не теряет своего обаяния,— и, верно, еще долго будут посвящаться Аварайрской битве и ее участникам проникнутые патриотическим духом стихотворения» ¹⁷.

Однако здесь речь идет не об одних исторических воспоминаниях. Веселовский тонко подмечает, что «подобно тому, как армянские исторические романы и драмы иногда имели непосредственное отношение к современности и затрагивали вопросы, которые могли волновать армян и много веков тому назад, и в наши дни,— недаром турецкое правительство так косо смотрело на трагедии из армянской истории, считая их опасными и поддерживающими в армянской среде «вредный» дух,— стихотворения и поэмы, относящиеся к Вардану Мамиконяну, часто имели в виду новое поколение, для которого могли служить образцом деяния, идеалы и верования славного борца V столетия» ¹⁸. По мысли Веселовского, положение Армении в начале века не являло собою контраста временам Вардана. Преследования со стороны персов ныне сменились преследованиями и гонениями со стороны турок. И во многих случаях,— пишет Веселовский,— можно было смело повторить слова одного из героев Раффи: «Чем отличается современная наша участь от той, которую Армения переносила в дни Вардана? Разве тяжкое иго иноземца не так же гнетет нас, как в дни Вардана? Чем обеспечена наша жизнь, наша семья, наше имущество, наши народные святыни?» ¹⁹

¹⁵ Из поэмы «Думы армянского узника», «Армянский вестник», № 3, 1916 г., стр. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Вардан Мамиконян в творчестве армянских поэтов», «Армянский вестник», № 7, 1917 г., стр. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 3.

Веселовский совершенно справедливо отмечал, что прославление Вардана и его деяний во имя многострадальной родины невольно ассоциировалось у армянских писателей с современным положением их родины, открывало перед ними те пути, которые должны были привести армянский народ к политическому и духовному возрождению. V век являл собою образец единения общественных сил, сплоченности и солидарности. «Постоянное противопоставление — тогда и теперь,— пишет Веселовский,— красной нитью проходит через большинство произведений, посвященных Вардану и его эпохе. Ко многим стихотворениям могли бы быть поставлены эпиграфом слова Надсона:

Назад! Там жизнь полней кипела.
Там роковых сомнений гнет
Не отравлял святого дела»²⁰.

Таким образом, личность Вардана Мамиконяна Веселовский рассматривает с точки зрения современника. Этот образ представляется Веселовскому символом героического прошлого армянского народа и вместе с тем служит образцом деяния для нового поколения борцов. Веселовский устами героя призывал:

Я верю, край наш не забудет
О славе прежних, лучших дней.—
И кто из вас смиряться будет
Перед врагом страны своей?

За наши славные преданья,
За нашу веру, за народ
Идите смело на страданье,
Стремитесь, храбрые, вперед!²¹

Веселовский глубоко уверен, что имя Вардана Мамиконяна несомненно будет иметь большую притягательную силу и для будущих поколений армянских писателей.

«В пору тяжелых испытаний и борьбы за лучшее будущее» Веселовский находил особенно своевременным воскресить образ Вардана, вот уже 15-е столетие являющегося «олицетворением жизненных сил армянского народа»²²

Прошли века... Былым сраженьем
Гордится древняя земля...
И все взирают с уваженьем
На Аварайрские поля²³.

Веселовский неоднократно подчеркивал, что для глубокого понимания и осознания своеобразия тем и идей армянской литературы

²⁰ Там же.

²¹ «Смерть Вардана Мамиконяна», «Армянский вестник», № 4, 1916, стр. 8.

²² «Армянский вестник», № 7, 1917, стр. 4.

²³ «Смерть Вардана Мамиконяна», «Армянский вестник», № 4, 1916, стр. 8.

необходимо постоянно помнить, что она создана была народом, который был жестоко испытан судьбой, эта литература призвана была поднимать дух народа, внушать веру в лучшее будущее и потому получала временами боевую настроенность и играла огромную роль.

И не должно казаться странным, что в самую тревожную, хотя и полную героизма пору тяжелых испытаний, армянская литература достигла высокой степени совершенства. Полный драматизма V век был справедливо назван «золотым веком» армянской словесности: Моисей Хоренский, Езник Кохбский, Корюн, Лазарь Парбский и, наконец, Егише.

Веселовскому бесконечно дорог Егише в первую очередь как большой гуманист, поборник национальной идеи, в Егише он видит глашатая мыслей и идеалов лучших представителей армянского общества V-го столетия. В своем специальном исследовании о Егише — «Литературный деятель героической эпохи» — Веселовский писал:

«Благородный голос Егише дошел до нашего времени... через длинный ряд веков варварства, застоя и страданий. Так из уединенного монастыря, затерянного среди темных дремучих лесов, доносится иногда вечернею порою мелодический звон колокола... И, дай бог, чтобы каждый из нас сохранил, среди житейских бурь и невзгод, столько веры и Правду и Добро, столько благородного идеализма и сочувствия к страданиям ближних!..»²⁴

И мы можем с уверенностью сказать, что самому Веселовскому довелось до конца дней своих сохранить истинное благородство, глубокое сострадание к страдающим и обездоленным и подлинный гуманизм.

Вполне справедливым кажется признание, сделанное Смбатом Шах-Азизом на вечере чествования Юрия Алексеевича 22-го января 1900 года: «Да, мы желали бы побольше Веселовских, побольше светлых людей в русском обществе, беспристрастно относящихся к порокам и добродетелям маленького и все же исторического народа».

Յ. Մ. Դավթյան

ՀՈՒՄԱՆԻՉՄԻ ԵՎ ԺՈՂՈՎՈՒՐԴՆԵՐԻ ԲԱՐԵԿԱՄՈՒԹՅԱՆ ՋԱՏԱԳՈՎԸ

Ա մ փ ո փ ո ս մ

Հայ ժողովրդի մղձավանջային օրերին Վեսելովսկին հանդես եկավ որպես մեծ մարդասեր և հայ ժողովրդի անկեղծ բարեկամ:

Պարբերական մամուլի էջերում բազմիցս նա կոչ արեց ուսուցիչ ժողովրդի առաջավոր խավերին՝ օգնության ձեռք մեկնել տառապող հայ եղբայրներին: Վեսելովսկին պարզ գիտակցում էր, որ ուսական հասարակայնությունը որքան

²⁴ «Литературный деятель героической эпохи». Оттиск из журнала «Кавказский вестник», 1901, № 2, кн. XIV, стр. 19.

մոտիկից ճանաչի հայերին, այնքան ավելի արդարացի ու ճշմարտացի կլինի նրա վերաբերմունքը բազմաշարժար ժողովրդի նկատմամբ, մանավանդ այն ժանր ժամանակաշրջանում, երբ նա բարբարոսական ոչնչացման էր ենթարկվում թուրքական դահիճների կողմից: Այդ իսկ նկատառումներով նա անհրաժեշտ էր գտնում ուս հասարակայնությանը ծանոթացնել հայ ժողովրդի դարավոր պատմությանը, ժամանակակից իրականությանը, նրա հասարակական և կուլտուրական կյանքին: Վեսելովսկին հայ գրականությունը դիտում էր ոչ թե զուտ ազգային, այլ համաշխարհային առումով:

Վեսելովսկին նշում էր, որ հայ գրականությունը անհայտ չէ եվրոպական ընթերցողին: Ավելին. ժամանակակից իրադարձությունները սրեցին նրա ուշադրությունը և հետաքրքրությունը հայ գրականության ու ընդհանրապես Հայաստանի հանդեպ:

Լինելով հայ պատմությանը իրազեկ, վերարտադրելով անցյալի հերոսական էջերը, հիանալով հայ ժողովրդի վաղեմի փառքով, Վեսելովսկին ավելի վշտացած էր խոսում նրա ողբերգական վիճակի մասին:

Սակայն մեծ հումանիստը խորը հավատով էր լցված դեպի հայ ժողովրդի պայծառ ապագան: